

Фу Синъюнь вздрогнул и настороженно спросил:

— А кто этот сосед старик Ван?

Линь Цюн ответил просто:

— Старьёвщик.

«.....»

Линь Цюн нарезал манго, достал взбитые сливки, и они устроились в гостиной.

Он поддел вилкой кусочек фрукта, отправил его в рот и, жуя, пробормотал:

— Как там твои дела последние дни?

В доме царила идеальная чистота, ни намёка на беспорядок, да и сам он выглядел вполне живым — видно, за это время бытовых проблем не возникало.

Фу Синъюнь спокойно взглянул на него:

— Как видишь.

Линь Цюн протяжно «о» и добавил:

— Ну, с голоду не помер.

«.....»

Размышляя о том, чем тот питался эти три дня, Линь Цюн пристально посмотрел на него и спросил:

— Так ты всё это время заказывал еду с доставкой?

— Угу.

Фу Синъюнь отвел взгляд, солгав. Ему не нравился вкус еды из забегаловок — все эти дни ему приносили еду подчинённые.

Сейчас в глазах окружающих Фу Синъюнь был бесправным неудачником, одинокой птицей с подрезанными крыльями. Казалось, никто им не интересовался, но на самом деле все за ним следили.

Он не мог быть уверен, что вокруг нет слежки, и потому ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы кто-то узнал о визитах подчинённых.

Хотя Линь Цюн пока не вызывал подозрений, бдительность терять было нельзя.

Линь Цюн не усомнился в его словах и лишь продолжил:

— Что вкуснее: моя еда или доставка?

Вспомнив, как последние дни ему приходилось буквально заставлять себя есть, на этот раз мужчина не стал лгать:

— Ты готовишь лучше.

Раньше он тоже питался тем, что приносили подчинённые — блюдами от профессиональных поваров — и никогда не задумывался об их вкусе. Но в сравнении с тем, что готовил Линь Цюн, разница была очевидна.

— Да?! — Молодой человек буквально расцвёл от этих слов.

Линь Цюн с удовольствием жевал манго, сладкий вкус растекался по языку. Затем он с гордостью пододвинул тарелку с фруктами в сторону Фу Синъюня, глаза его сияли:

— Попробуй, оно очень сладкое!

Наблюдая, как Линь Цюн уплетает фрукты, раздувая щёки, Фу Синъюнь тоже взял кусочек.

Действительно сладко.

— И-и...

Лёгкий вздох боли заставил мужчину поднять взгляд. Линь Цюн прикрывал рот ладонью.

— Что такое?

Линь Цюн от боли сразу же засиял влажным блеском в чистых глазах, потом жалобно скривился:

— Язык прикусил...

Фу Синъюнь невозмутимо ответил:

— Я так и понял.

«.....»

Линь Цюн продолжал держаться за рот, выражение лица страдальческое.

Наблюдая, как тот морщится от боли, мужчина постучал длинными пальцами по подлокотнику коляски, немного помолчал и наконец сказал:

— Покажи.

Линь Цюн не стал отказываться, пододвинулся поближе и высунул язык.

На бледно-розовой поверхности языка виднелась ранка, из которой сочилась алая кровь.

Линь Цюн, не закрывая рта, уставился на собеседника:

— Ну кааак?

Фу Синъюнь, придерживая его за подбородок, осмотрел повреждение — рана была всего одна.

— Ничего страшного.

Линь Цюн обиженно надулся:

— Но мне больно!

— Конечно, больно, — безжалостно ответил мужчина. — Если бы прикусил сильнее, вообще бы язык откусил.

«.....» Линь Цюн удивлённо уставился на него:

— Ты ж сказал, что всё ничё!

Фу Синъюнь невозмутимо парировал:

— Раз жив — значит, ничё.

«.....»

Линь Цюн недовольно выпятил губы:

— Ты такооой бессердечный!

Фу Синъюнь: ?

— Совсем меня не жалеешь, — продолжал Линь Цюн, картавя и занимая моральную высоту. — С твоих-то тёплых губ (37°C!) такие ледяные слова слетают — хоть ложись да помирай!

Фу Синъюнь: «.....»

— И чего ты хочешь?

Линь Цюн задорно задрал голову:

— Прояви заботу!

Любовь не терпит промедлений — назови меня «зайкой» немедленно!

Фу Синъюнь растерялся. Он совершенно не умел проявлять заботу и сейчас, под пристальным ожидающим взглядом Линь Цюна, с трудом выдавил:

— Б... больно?

Линь Цюн энергично закивал, его пухлые щёчки тряслись:

— Больно-о!

В воздухе повисла неловкая пауза, после чего раздался сухой ответ мужчины:

— Эээ...

«.....»

Линь Цюн глубокомысленно вздохнул:

— Лааадно.

Даже самому себя утешить выходило лучше.

Фу Синъюнь хотел что-то добавить, но в этот момент Линь Цюнь уже поднялся и направился в ванную осмотреть повреждение.

Проверив ранку и прополоскав рот, он дождался, пока металлический привкус крови исчезнет, прежде чем вернуться.

Фу Синъюнь, увидев его, спросил:

— Ну как?

Линь Цюнь ответил не задумываясь:

— Ничё так, тока говорить больно.

Вспомнив предыдущий «утешительный» разговор, Фу Синъюнь предложил:

— Тогда поменьше говори.

Линь Цюнь: «.....»

Вечером, приготовив ужин, они уселись за стол.

Фу Синъюнь взглянул на свою тарелку, где еда горой возвышалась до небес, затем на практически пустую тарелку Линь Цюня, и спросил:

— И это всё, что ты будешь есть?

Линь Цюнь, понуро опустив свою пушистую голову, кивнул:

— Язык болит.

Вздых поросёнка.jpg

Видимо, сегодня ночью ему придётся голодным сны смотреть.

После ужина каждый отправился в свою комнату. Впервые за три дня Линь Цюнь наконец воссоединился со своим джакузи — все эти дни он буквально скучал по нему, как по возлюбленному. Один день разлуки — словно три года не виделись.

Он расслабленно растёкся в массажной ванне, словно желе.

Вот оно, счастье~

Без рабочих стрессов и тревог Линь Цюнь в эту ночь спал особенно крепко. И даже голодных снов не видел.

На следующее утро, выйдя выносить мусор, Линь Цюнь сразу заметил того самого старьёвщика, облачённого в брендовые вещи.

Старик, увидев его, тоже удивился:

— Где ты пропадал последние дни? Совсем не попадался на глаза.

Линь Цюнь выбросил пакет с мусором:

— Был в командировке.

Старьёвщик "проникся":

— А, в соседнем районе по мусоркам шарился!

«.....»

Линь Цюн:

— Нет, я в другом городе работал.

Старик аж подпрыгнул:

— Да у тебя что, настоящая работа есть?!

Линь Цюн смотрит на него как на ненормального:

— ...а как же иначе?

Старьёвщик прислушался к его странному произношению:

— Ты чё, на работе травмировался?

Линь Цюн, картавя, задумался:

— Можно и так сказать.

Старик покачал головой:

— Ну надо же было так неосторожничать!

Линь Цюн растрогался — старики действительно умеют проявлять заботу.

Что старый конь — то надёжный.

Но в следующее мгновение старьёвщик добавил:

— Ты ж щас как инсультник разговариваешь!

«.....»

Линь Цюн: :)

Старьёвщик заглянул за его спину:

— Чего сегодня без собаки? Не выгуливаешь?

Линь Цюн серьёзно поправил, картавя:

— Это нэ собака... Это мой партнёр.

На лице старика отразилось внезапное озарение:

— А-а, так вы... в таких отношениях!

Линь Цюнь лишь кивнул. Вернувшись домой, он приготовил завтрак и стал терпеливо ждать, когда Фу Синъюнь спустится.

Минута за минутой тянулось время. Каша в тарелке уже перестала дымиться, а возлюбленный всё не появлялся.

Озадаченный Линь Цюнь поднялся на второй этаж. В кабинете было пусто — тогда он направился к спальне.

Лёгкий стук в дверь:

— Синъююнь! Кушать подано-о!

Одна секунда, две... десять...

В ответ — тишина. Линь Цюнь снова постучал, на этот раз громче:

— Если не придёёшь, еда остыне-е-ет!!!

Но внутри по-прежнему царила мёртвая тишина.

Нахмурившись, Линь Цюнь повернул ручку и буквально ворвался в комнату.

Помещение было погружено в полумрак — светонепроницаемые шторы плотно задернуты. На кровати неподвижно лежала фигура.

!!!

Линь Цюнь бросился вперёд:

— Далан!.. То есть, Синъюнь, ты чё тако-о-о?!

Фу Синъюнь ощущал, будто тело налито свинцом, а голова раскалывается. Веки казались невероятно тяжёлыми.

С трудом подняв взгляд на вошедшего, он хрипло прошептал:

— Я не... "чо".

"....."

Увидев неожиданного гостя в своей спальне, Фу Синъюнь нахмурился:

— Как ты... зашёл?

Линь Цюнь, не задумываясь, брякнул:

— Ну как... ногами зашёл!

«.....»

Он похлопал Фу Синъюня по щекам, пытаясь привести того в чувство:

— Ты чё не идёшь куша-ать?

Но прикосновение обожгло ему пальцы — кожа мужчины неестественно пылала.

Линь Цюн взглянул на нездоровый румянец, проступивший на обычно бледном лице, и в панике прижал ладонь ко лбу:

— Фу Синъюнь, очнись!

— Да у тебя ж температура!!!

Фу Синъюнь: «.....»

Поспешно укутав больного одеялом, Линь Цюн засыпал вопросами:

— Ну как ты? Где болит? Что беспокоит?

Фу Синъюнь едва слышно выдохнул:

— Голова...

Линь Цюн выбежал за аптечкой и, вернувшись, попытался приподнять больного, чтобы измерить температуру.

— Раз, два, три, поехали! — скомандовал он, ухватившись за руку Фу Синъюня.

С трудом приподняв того, он усадил его полулёжа, опирающимся на себя. Чёрт, какой же он тяжёлый...

Встряхнув градусник, Линь Цюн засунул его подмышку больному и, чтобы тот не дёргался, придержал его руку.

Прикосновение неожиданно раскрыло деталь: рука оказалась гораздо более рельефной, чем он представлял, без намёка на дряблость. Но сейчас, когда голова пухла от жара, было не до таких наблюдений.

Пять минут спустя — 37,6°C.

Линь Цюн встревоженно поднял брови — температура подтвердилась.

Он засуетился, роясь в аптечке, но жаропонижающих там не оказалось.

Головная боль накатила новой волной. Поспешно укутав Фу Синъюня одеялом, он протараторил:

— Синъюнь, я щас сбегаю за лекарством! Ты тут потерпи, я мигом!

Мужчина лишь тяжело крикнул в ответ, с трудом перенося недомогание.

Схватив ключи, Линь Цюн помчался в аптеку. Туда и обратно — всего десять минут.

Но когда он распахнул дверь по возвращении, то остолбенел:

Фу Синъюнь, покрасневшийся от жара, сбросил одеяло и сейчас расстёгивал пижаму. Широко открытая грудь с чётким рельефом мышц была полностью обнажена.

— Ты что творишь?! — Линь Цюн в ужасе бросился натягивать на него одежду.

Линь Цюн тут же набросился на него:

— Ты и так горишь! Хочешь ещё и простуду подхватить?!

Фу Синъюнь раздражённо дёрнул воротник, лицо искажено гримасой дискомфорта:

— Духота.

— В комнате всего двадцать восемь! — Линь Цюн в отчаянии зажал его кипящие ладони. — Это ты тридцать восемь, вот и пылаешь!

Фу Синъюнь: «.....»

Линь Цюн тут же схватил жаропонижающее и, придерживая голову Фу Синъюня, помог ему проглотить таблетку.

— Постарайся как следует пропотеть, — торопливо прошептал он, поправляя одеяло. — Так быстрее поправишься."

Словно опасаясь, что больной снова сбросит покрывало, он закутал его с головой, превратив в плотный "кокончик".

Но, увы — даже после лекарства температура и не думала снижаться. После того, как Линь Цюн накормил его лёгким бульоном и снова измерил температуру, градусник сразил его новыми показателями: 38,3°C!

— Синъюнь, ты как там? — тревожно прошептал Линь Цюн, прижимаясь щекой к его раскалённому виску.

В ответ — лишь болезненная гримаса. Фу Синъюнь, стиснув зубы, отвернулся к стене, явно находясь на пределе терпения.

Линь Цюн, не видя другого выхода, набрал Цзи Яо, чтобы спросить, нет ли у того знакомого домашнего врача.

После нескольких гудков звонок был принят.

— Какие новости?

— Синъюнь горит! — выпалил Линь Цюн.

«.....»

На другом конце воцарилась мёртвая тишина, после чего Цзи Яо глубоко вздохнул:

— Он «горит», а ты мне зачем звонишь?

Примечание автора:

Цзи Яо в ярости пнул тарелку: Не буду я эту собачью еду есть!

<http://bllate.org/book/12640/1121113>